

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Андрея Васильевича Белякова
на тему «Инкорпорация тюркской знати в России:
Чингисиды в Московском государстве XV-XVII вв.» (М., 2017)
на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

Исследование А.В. Белякова вписывается в новейшие тренды изучения российско-государственного аппарата необычным образом. Будучи полновесным опытом историко-просопографического описания широкой, насчитывающей 223 представителя, прослойки высшего класса татарских царей и царевичей из рода Чингисхана на российской службе в XV-XVII вв., оно одновременно показывает, как этот род интегрировался и маргинализировался в более широких кругах знати, влиял на российское политическое самосознание и имперскую идеологию.

Не вызывает у меня сомнений и историографическая ценность и оправданность исследований диссертанта. Вдумчивое прочтение работ Г.Ф. Миллера, Х.Д. Френа, И.Н. Смирнова, В.Д. Смирнова, П.В. Долгорукова, В.В. Вельяминова-Зернова, Н.И. Шишкина, С.В. Любимова, М.Г. Худякова, М.Г. Сафаргалиева, М.Е. Бычковой и др., а также работ, посвященных таинственной и во многом еще неясной фигуре великого князя московского и тверского Симеона Бекбулатовича, позволяет автору высказать важные дискуссионные тезисы. Это во всех случаях новаторское слово в науке, и во многом новаторство А.В. Белякова укоренено именно в историографической традиции. Понятийный аппарат в сегменте татарско-российских политико-культурных контактов в науке слабо разработан, что и приводит к появлению и исчезновению реалий из описаний, непримиримым дискуссиям о роли Касимовского удела (или царства), великого князя (при этом и царя тоже) Симеона Бекбулатовича или к путанице в биографических данных в отношении различных татарских лиц, которые для исследователей оказываются, буквально, все «на одно лицо». Представляются точными и научно значимыми ремарки исследователя о достижениях и оплошностях предшественников. Они выполнены на высоком академическом уровне, с должным балансом критики и понимания своей зависимости от предшественников. Кроме того, А.В. Беляков учитывает достижения ученых, чьи труды не воплотились в печати (например, Н.И. Приваловой). Владение техникой научной дискуссии позволяет автору диссертации включиться и в полемику со своими современными оппонентами, о чем мы скажем еще в данном отзыве. Впрочем, полемическими выпадами в адрес предшественников и современников рецензируемое диссертационное исследование не ограничивается, решая и вполне самостоятельные впервые сформулированные научные проблемы.

Особенностью работы А.В. Белякова является привлечение поистине огромного круга источников, включая археологические данные, предметы декоративного искусства, инсигнии власти, письменные источники разных видов и подвидов, включая легендарные и эпические предания. Их сочетание превращает работу в социальную «тотальную» историю в том виде, как ее понимали создатели исторической антропологии. Впрочем, сузить тему приходится за счет историко-генеалогической и, как я уже отмечал, просопографической оптики. Помимо опубликованных, автор использует 37 фондов из московского Архива древних актов и ряд нижегородских и рязанских архивных материалов.

Биографический раздел («Жизненный путь») содержит реконструкции родословий и показывает, кто из обширных ветвей «золотого рода» оказался в Москве или под властью Москвы. Здесь А.В. Беляков достигает важного сравнительного критерия, который нуждается, возможно, в более детальной научной проработке. Оказывается, что в положении Чингисидов на русской службе были существенные различия. Например, кровнотельственные отношения Москвы с казанской династией отличались от более ровного и менее иерархичного взгляда на Гиреев, которые часто «пользовались... большим уровнем свободы» (Монография, с. 60; Диссертация, с. 106) (здесь и далее ссылки «Монография» с

указанием номера страницы приводятся по: *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV-XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.). Интересная гипотеза предложена о происхождении Симеона Бекбулатовича. По мнению А.В. Белякова, он был не внуком, а правнуком Бахтияра б. Ахмеда (если верно, что Бахтияр был сыном именно Ахмеда), а его родство с московской царской семьей – он был племянником Ивана Грозного по матери – оказалось важным фактором в его возведении на московский великокняжеский престол (Монография, с. 61-63, Схема 3 на с. 61; с. 110; Диссертация, с. 108-110, Приложение № 5).

Инновационной глубиной и детальной проработкой отличается раздел о Кучумовичах в России. Изучены мужские и женские потомки сибирского хана на российской службе, обнаружены ранее неизвестные факты выезда и крещения царевичей, прослежены приезды и выезды из страны, когда речь шла о временной службе. Далее кратко рассмотрены также бухарская и казахская династии и иные представители «золотого рода», причем как подлинные, так и вымышленные. Пример Хансюера, думается, требует дополнительного обоснования для его включения в историю российской службы Чингисидов. Ни первое его пребывание в России в 1613-1615 гг., ни второе в 1630-1638 гг. не носили служебного характера, и уж во всяком случае, только первая служба носила характер союза, возможно – временного и только военного (Монография, с. 69-70; Диссертация, с. 121). Ниже в своей работе А.В. Беляков назовет татарских царевичей, посланных Василием II воевать литовскую землю в 1444/45 г., «знатными наемниками» (Монография, с. 374; Диссертация, с. 690). В чем отличие между службой-подданством и службой по найму? Этот вопрос хотелось бы прояснить на уровне специального терминологического, а может быть, и исторического осмысления в рамках диссертации.

Матримониальный фактор впервые с такой полнотой развит при изучении браков Чингисидов в отдельной главе диссертации. Здесь показано, как влиял «женский компонент» на династическую политику российско-степного континуума. Ряд дискуссионных тезисов о влиянии брачной политики на московско-казанско-крымско-ногайские отношения имеет смысл в контексте работы обсуждать только с точки зрения ее ключевого тезиса – об установлении служебных отношений потомков Чингисхана в отношении Москвы. Никто из суверенов-царей, царевичей и высших ногайских властей во время заключения ярких династических браков в 1467-1469, 1504, 1519, 1532-1535 и 1549 гг. на московской службе не состоял. Было бы важно видеть в Москве лишь один из источников влияния на события, и представляется в оценках этого влияния опасным опираться на такие источники, как московское летописание и «Казанская история». Последний памятник, служащий А.В. Белякову для подробного отступления о восприятии Казани в Москве (Монография, с. 94-95; Диссертация, с. 173-175), опирается на какие-то записи еще 1560-х годов, но создан вряд ли ранее рубежа 1580-1590-х годов, то есть уже несколько десятилетий спустя после взятия Казани. На мой взгляд, именно обсуждаемая работа доказывает, что хронологическая и идейная дистанция «Казанской истории» от событий рубежа 1540-1550-х годов была непреодолимо велика. Ногайский фактор, принципиально значимый для судьбы Казани, в этом памятнике тщательно затушеван, а в контексте дискуссии о служебных отношениях Чингисидов этот фактор невозможно переоценить. В целом, гипотезы А.В. Белякова о влиянии левирата на династическую политику отличаются свежестью и глубиной. Они нуждаются в дальнейшей дискуссии, поскольку пока выдвинуты именно как один из факторов оседания «золотого рода» в России.

Диссертант подробно реконструирует иерархию служилых Чингисидов в России конца XVI-XVII в. на основе как известных, так и впервые вводимых в научный оборот источников. В данном случае расширение наших знаний о клановой структуре рода, его внутривидовые взаимосвязи и матримониальные выходы на другие династии – это прямой путь к ответу на многие вопросы истории его расселения, иерархий и «социального аванса». В этой области, несмотря на значительные лакуны в источниках, следует признать, что находки и гипотезы А.В. Белякова раскрывают многие ранее неведомые и малоиз-

вестные страницы. Обнаружены малоизвестные и неизвестные представительницы рода, выявлены брачные стратегии рода. Доказано признание в Москве правила левирата как средства поддержания политической стабильности, а также стремление части Чингисидов «иметь среди жен дочерей сеидов, потомков пророка Мухаммеда» (Монография, с. 105; Диссертация, с. 192). И конечно, давно известный в историографии комплекс фактов, но пересмотренный с новой точки зрения, - о связях крещеных представителей рода с московскими элитами. В диссертации предложен широкий хронологический охват – от брака царевича Петра Ибрагимовича до матримониальных союзов рубежа XVII-XVIII вв.

Упоминания служб и церемоний с участием Чингисидов в диссертации приведены очень кратко, в хронологических списках. В них повторяются отдельные факты, обсуждаемые ранее в работе, - в частности, свадебные церемонии. Однако это тоже очень полезные разделы, позволяющие составить представление о включенности татарской высшей знати в политическую деятельность московских властей. Разделы, посвященные церемониям и частной жизни, являются полномасштабным исследованием интеграции татарской элиты в русское общество XV – начала XVIII в. А.В. Беляков изучает судьбу касимовского архива, историю книжного чтения и образования у российских татар, проблему храмового строительства, ремесло и декоративно-прикладное искусство, быт, повседневные обычаи, костюм, календарные обычаи, праздники, особенности мусульманского культа и поминальную культуру. Особенно ценным представляется список захоронений российских Чингисидов, очерчивающий круг их распространения от Касимова до Ярославля, Москвы, Костромы, Каргополя, Крыма и, по всей видимости, Сибири.

Изучение в главе 3 дворов служилых Чингисидов охватывает разнообразные социальные структуры, сформированные в степных Ордах и унаследованные служилыми татарами от своих предшественников и заимствованные из ислама (аталычество, имелдеши и кормилицы, огланы, ордынские князья и мирзы, казаки, сеиды и др.). Как представляется, справедливы предположения А.В. Белякова о том, что поддержание этих институтов Москвой служило лучшей дорогой к интеграции и создавало на территории России особое этническое микросообщество, в котором пересекались традиции ряда ордынских государств с московской административной системой (дворцовыми службами, дьячеством, боевыми разрядами и т.д.). Интересным, хотя не находящим надежного подтверждения в источниках, представляется вывод о том, что после смерти Ивана Грозного Симеон Бекбулатович становится «действенной силой, способной оказывать значительное опосредованное влияние на происходящее» (Монография, с. 216; Диссертация, с. 399). Под «опосредованным влиянием» понимается в работе манипуляция статусом, косвенная причастность к «заговору» против Бориса Годунова в 1585-1586 гг. и последующее участие, все же в основном пассивное, в высшей политике вплоть до 29 марта 1606 г. (Монография, с. 221, 288; Диссертация, с. 408-409, 533-535). Как представляется, важной для дальнейшей дискуссии является гипотеза А.В. Белякова о том, что в связи с этими событиями и ликвидацией Великого княжества Тверского началось верстание служилых Чингисидов помещными и денежными окладами и, таким образом, приближение их статуса к российскому дворянству (Монография, с. 217; Диссертация, с. 401). Новые шаги сделаны в рецензируемой работе и в осмыслении роли татарских дворов в Смуте и при первых Романовых. Наконец, именно здесь подробно обсуждается и отводится гипотеза Д.М. Исхакова и Б.Р. Рахимзянова о независимом вассальном по отношению к Москве статусе Касимовского царства. Как представляется, эта дискуссия не является завершенной, однако полемические ремарки в адрес концепции А.В. Белякова в последние годы показывают, что в обсуждаемой ныне диссертации мы имеем дело с уже состоявшимся историографическим фактом, который высоко оценен всеми участниками дискуссии и занял свое достойное место в научном мире.

Обоснованно, как представляется, глава 4, посвященная материальному содержанию Чингисидов в России, подразделяет татарских династов на подгруппы в зависимости от их статуса на территории России. Здесь изучены выплаты «выхода», «ясака», разовые

«дачи», право на часть «полона» противника, доходы с городов. Восстановлена финансовая и административная история Касимова и роль татарских царей и царевичей в истории других городов Московского государства. Здесь особенно важны критические ремарки в адрес неоправданных мнений в историографии. Не находят подтверждений предположения о владениях Чингисидов в Темникове (в середине XVI в.), Юрьеве-Польском (до 1571 г.), Костроме (в XV в.), Курмыше (в XV в.), Белеве (в XV в.), Талдоме и Яхроме (в XV в.). Сомнительно единственное обнаруженное упоминание о владении Алслан-Алея в Кашине (конец XVI в.). Показательно, что своеобразной столицей «золотого рода» в XVII в. стал Ярославль, который, по предположению исследователя, делил первенство по содержанию высокопоставленных служилых татар с Москвой. Впрочем, уже во второй половине XVII в. первенство все же перешло к Москве (Монография, с. 298, 306; Диссертация, с. 551, 566). Исследование прав Чингисидов показало, что им принадлежал, по сути, только «контроль за сбором доходов и, возможно, самостоятельный сбор натуральных и денежных средств с неправославного населения, если такое имелось, пожалованных уездов и волостей» (Монография, с. 294; Диссертация, с. 545). Пожалование угодий татарской высшей знати зависело от их перехода с поденного корма на постоянную службу, то есть во многом зависело от интеграции, и в первую очередь – от крещения в православие. Лишь с 1552 г., согласно гипотезе А.В. Белякова, начинаются регулярные пожалования поместий титулованным татарам, исповедующим ислам. География пожалований заметно расширилась к концу XVII в., причем с середины XVII в. все российские представители «золотого рода» владели землями в Подмоскovie, а к концу XVII в. пришлось отказываться от населенных православными земель (Монография, с. 327; Диссертация, с. 603-605). Это важный комплекс наблюдений, который находит прямые аналогии в Великом княжестве Литовском и Короне Польской, где переход приезжих представителей дворянства и знати на королевскую службу происходил обычно в несколько этапов, их них важнейший стартовый момент в карьере обычно – переход с «хлебокормления» и «юргельтов» на земельное пожалование «до воли и ласки» короля и господаря. Впрочем, как мне представляется, было бы интересно в дальнейшем по аналогии с европейским опытом знатных мигрантов проследить типы и подтипы земельных наделов татарской высшей знати в России (по длительности пожалований, по условиям поместного держания, по правам на наследование и т.д.).

Иерархия Чингисидов в России, намеченная в главе 4 диссертационного исследования, подкреплена в главе 5 подробным анализом источников об их социальном статусе. Первоначальные службы постепенно перерастали к середине XVI в. в иерархическое соподчинение с московской знатью. Этот вопрос, конечно, требует нового осмысления местнических дел и системы первенства в самом московском обществе, как их изучают Андре Берелович и Ю.М. Эскин. Заслуги А.В. Белякова на этом пути весьма велики – по сути, в его диссертации впервые показано, какими путями от военно-политического союза и найма через служебно-вассальные отношения к постоянной службе 1550-х годов формировалась прослойка татарской высшей знати, занявшая первое место после самих Калитовичей в иерархических представлениях московских властей. Интересны гипотезы исследователя о том, что статус служилых Чингисидов отличался от статуса русских служилых князей, о полноправном участии «золотого рода» в высшей политике (особенно в формировании матримониальных кланов), о девальвации княжеского титула в связи с массовым крещением татарской и мордовской знати и широким дарованием титула к концу XVII в. Включение Чингисидов в состав российского дворянства постепенно привело к понижению их статуса и формализации первоначальных обрядов и знаков их престижа. Смелой и, в целом, вполне жизнеспособной представляется гипотеза А.В. Белякова о том, что окончательное слияние Чингисидов с российским дворянством произошло после «дела» царевича Алексея Петровича, по которому проходил и был осужден на ссылку сибирский царевич Василий Алексеевич.

Перейду к критическим замечаниям.

Бескомпромиссность позиции диссертанта в отношении статуса Касимова требует все же, на мой взгляд, оговорок. Некоторые аргументы *contra* в критике царского статуса Касимова звучат как малоубедительные или избыточные сами по себе, даже если находятся более надежные аргументы. Например, неясно, как археология может решить вопрос о статусе, и ссылка на работы А.В. Чернецова не отвечает на этот вопрос (Монография, с. 21; Диссертация, с. 41). Не помогает дискуссии и упрек в адрес оппонентов, что они отличаются «консервативностью мышления» (Монография, с. 260; Диссертация, с. 486). Вообще, значительный массив дискуссионных выпадов в главе об «историографии и источниках» относится к истории так называемого (или действительно точно называемого) Касимовского царства или Мещерского юрта (Монография, с. 24-30, 251-257, 260-262 и др.; Диссертация, с. 46-57, 471-481, 485-488 и др.). Это, по меньшей мере, непропорционально много, а по большому счету – связано лишь очень узкой историографической ситуацией наших дней с темой работы. Кстати, этому вопросу в последующем тексте диссертации посвящено не так уж много места, так что можно считать его в представлениях автора отчасти надуманным и неадекватным для изучаемой проблемы.

Еще одно замечание касается системного упущения, впрочем, пока неясным образом отразившегося на выводах рецензируемой работы. Бросается в глаза почти полное отсутствие в диссертации ссылок на литературу на иностранных языках. В дискуссии с коллегами важно было бы отреагировать на тезисы о татарском и степном наследии в московской политической культуре – например, в работах Э.Л. Кинана, Д. Островского, М. Ходарковского или в исследованиях М. Хамамото, которые, по признанию А.В. Белякова, были в значительной мере недостижимы из-за языкового барьера (Монография, с. 20; Диссертация, с. 39-40). Это «отсутствие» отнюдь не является значимым, поскольку высказывания исследователей о московской политической культуре, например, в американской историографии со времен публикаций Г.В. Вернадского тесно связывают само устройство московской политики, социальной структуры, дипломатии и российского политического самосознания с ордынским, степным фактором. Этому вопросу посвящено лишь буквально несколько слов во введении (Монография, с. 18-19; Диссертация, с. 36-37).

При этом важнейший технический аспект поднятой научной проблемы – генеалогический – невозможно обсуждать без учета тех ветвей потомков Чингисхана, которые оказались к западу от Московского царства, во владениях Короны Польской и Великого княжества Литовского. Впрочем, по-видимому, предварительные выводы С.В. Думина о более низком статусе татарских царевичей в Великом княжестве Литовском, чем в Российском государстве, прозвучавшие еще в публикации 1989 г., сохраняют силу и подтверждаются в диссертации А.В. Белякова новыми аргументами.

При всей осторожности А.В. Белякова в вопросах терминологии, он все же иногда, на мой взгляд, злоупотребляет двусмысленностью источников – увы, чаще в пользу своей концепции, чем наоборот. Так, Улуг-Мухаммеда автор называет «первым представителем» Казанской династии в России (Монография, с. 53; Диссертация, с. 94). Упоминание о том, что им были от Василия II получены «в качевиче Белевские места», содержится только в позднем и совершенно недостоверном в вопросе московско-казанских отношений источнике – «Казанской истории». Опираясь на него, чтобы включить самого Улуг-Мухаммеда в число служилых царей, а всех или некоторых его детей – «в число служилых царевичей» (Так на с. 53 монографии; так же на с. 54 диссертации), неубедительно. На верхней границе периодизации звучат также выводы, с которыми не всегда можно согласиться. Скажем, неясно, из чего следует, что присутствие крещеных Чингисидов за столом патриарха Никона было частью программы патриарха «по возвеличиванию своего положения» (Монография, с. 125; Диссертация, с. 228).

Придиркой терминологической, но все же существенной для понимания концепции данного диссертационного исследования было бы заметить, что уже с первых страниц, по сути, с середины XV в. автор называет Великое княжество Владимирское и Московское Россией. Более корректной до исчезновения независимых русских великих княжеств, как

представляется, была бы гипотеза о существовании служебных отношений татарских династий с различными русскими княжескими домами. Эта постановка помогла бы задаться и немаловажным в контексте исследования вопросом о том, почему татарские цари и царицы выказывали больший интерес именно к московским владениям. Еще одно подобное замечание касается использования в диссертации понятия «Запад» в значении «государства, находящиеся к западу от России» (скажем, на с. 206, 218, 264 монографии; то же на с. 380, 402, 493 диссертации). Думается, в этом понятии кроется упрощение и модернизация источников. Кроме того, нельзя согласиться с обобщенным замечанием, что татарам в Европе приписывалась «особая жестокость» (Монография, с. 206; Диссертация, с. 380).

Нельзя также не отметить, что текст диссертации основан на монографии 2011 г., которая уже вызвала дискуссию, и некоторые полемические ответы уже прозвучали. Максим Акчурин и Мулланур Ишеев выступили с опровержением выдвинутой А.В. Беляковым идентификации города Кошкова из завещания Ивана III 1504 г. с Касимовым, а Елатмы – с Мещерой (Монография, с. 268; Диссертация, с. 499-500). Представляется существенным, что в завещании Ивана III встречается название «Царевичев городок», а в источнике 1609 г. Елатма и Касимов упоминаются в одном ряду как два разных географических пункта (2014 г.). Есть также реакции на монографию 2011 г. Впрочем, дискуссия по книге при участии ведущих специалистов, рецензия Дмитрия Лисейцева (2013 г.), критика в монографии Булата Рахимзянова (2016 г.) лишь укрепили меня в мысли, что мы имеем дело с уже состоявшимся фактом, в научной значимости которого не возникает сомнений.

Таким образом, диссертация А.В. Белякова «Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV-XVII вв.» на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история, на мой взгляд, соответствует требованиям пп. 9 и 10 «Положения о присуждении ученых степеней» утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 (в ред. от 30.07.2014 г.), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Д-р ист. наук, проф. кафедры истории
и теории культуры Отделения социокультурных
исследований РГГУ (специальность
24.00.01 – теория и история культуры)

kerusalimski@mail.ru
+79067317044
ул. Веерная, 22-2-29
Москва 119501

23 октября 2017 г.

Адрес и место работы:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Российский государственный
гуманитарный университет» (РГГУ)
Кафедра истории и теории культуры
Миусская пл., 2
125993 Москва

К.Ю. Ерусалимский

Подпись

кого удостоверяю

кадров

азарова

Ерусалимский

Константин Юрьевич